

нутую им в его «Поэтике» и «Риторике».²⁵ Говоря о том же Млодзяновском, Феофан возмущенно спрашивал: «Есть ли в нем хоть тень ораторской опытности? Где наука составлять приступы, изобретенная и переданная столькими ученышими наставниками древними и новейшими? Где здравые доказательства? Где движения душевные? Где необходимейшие в священных речах заключения? Где структура мерной речи? Где украшение, блеск, остроумие, сила, важность, плавность? Где энергия, где тяжеловесность мыслей, где единство частей? Совершенно нет никакого разнообразия, без которого красноречие ничтожно».²⁶ По этим вопросам можно судить, какие требования предъявлял Прокопович к автору проповеди. Феофан считает необходимым следовать определенным правилам составления проповеди (приступы, заключения и т. д.), но особое значение придается композиционной стройности («единство частей») и логичности рассуждений («здравые доказательства»). Высмеивая ораторские приемы проповедников, перегружавших свои речи хитроумными аллегориями и сравнениями, Феофан выдвигал иные требования: ясность и логичность, умение не удивить, а убедить слушателя разумными, стройно изложенными доводами. Истина прекрасна сама по себе, без украшательств — вот идея, отчетливо высказанная Прокоповичем в «Слове о великом деле божии, сиесть: о обращении языков проповедию апостольскою» (1720). Хотя тема «слова», казалось бы, совершенно богословская, Феофан придает и ей очень злободневный смысл. «Худороднии» апостолы, посланные богом «на обращение мира к познанию истины», сталкиваются с «высокоумными язычниками, между которыми мнози были славящиися родом божииим» (II, 22, 25). Слушателям нетрудно было уловить политические аллюзии, содержащиеся в этой речи: борьба «худородних» апостолов со знатными язычниками в изло-

²⁵ О значении этих трудов Прокоповича см.: А. Н. Соколов. О Поэтике Феофана Прокоповича. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 443—449; Р. Лужный. «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могиланской академии. (Первая половина XVIII в.). — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры, стр. 47—53; Л. И. Кулакова. Становление теории русского классицизма. — В кн.: Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, стр. 7—14; В. П. Вомперский. Стилистическая теория Феофана Прокоповича. — В кн.: В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, стр. 70—98. Здесь же в «Приложении» (стр. 189—200) опубликован русский перевод главы «О трех стилях речи» из «Риторики» Прокоповича; А. А. Смирнов. К проблеме соотношений русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии. Ф. Прокопович и Ю. Ц. Скалигер. — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти проф. А. Н. Соколова. М., 1971, стр. 67—73.

²⁶ Цит. по: Н. И. Петров. Выдержки из рукописной риторики Феофана Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов, стр. 635.